Международно-правовые аспекты участия Тайваня в восточноазиатской интеграции с позиций национального права Тайваня

Балакин В.И.*

Проблема тайваньской государственности приобрела в отношениях Пекина и Тайбэя не только теоретический, но и практический характер. В значительной степени от этого зависит успех или неуспех продвижения в Восточной Азии региональной интеграционной модели, предлагаемой КНР. Восточноазиатский интеграционный процесс развивается сегодня в направлении создания странами региона реальных условий устойчивого роста, который позволит в обозримой перспективе сформировать реальный китаецентричный «вектор силы». Технологический и финансовый потенциал Тайваня оказался нужен Китаю сам по себе, а не из-за какого-то желания инкорпорироваться в глобальную систему высокотехнологичного производства на предлагаемых Западом условиях, предусматривающих крупные иностранные инвестиции и впечатляющие темпы экономического роста, но при этом гарантированную полную открытость внутреннего китайского рынка для проведения социальных реформ либеральной направленности. Если в отношениях с Западом китайское правительство последовательно придерживается весьма осторожного, хотя и поступательного подхода в осуществлении преобразований, то на тайваньском направлении Пекин старается полностью исключить шаги, могущие привести к внутренней политической или экономической нестабильности в стране.

Ключевые слова: Китай; Тайвань; Восточная Азия; интеграция; китайская государственность.

Существенным фактором, определившим инвестиционную стратегию КНР после Азиатского финансового кризиса 1997/98 г., стало переосмысление китайским руководством места и роли Тайваня в экономическом развитии страны. В какой-то момент экономическая доминанта вышла на первое место в политике вовлечения Тайбэя в процесс обще китайского воссоединения. Последнее стало необходимо

^{*} Балакин Вячеслав Иванович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока PAH. viacheslavbalakin@rambler.ru .

КНР, в том числе в связи с принятием на вооружение доктрины международных отношений, рассматриваемых через призму соперничества в сфере наращивания совокупной мощи государств. Технологический и финансовый потенциал Тайваня нужен Пекину сам по себе, а не из-за какого-то желания инкорпорироваться в глобальную систему высокотехнологичного производства на предлагаемых Западом условиях, предусматривающих крупные иностранные инвестиции и впечатляющие темпы экономического роста, но при этом гарантированную полную открытость внутреннего китайского рынка и проведение социальных реформ либеральной направленности. Если в отношениях с Западом правительство КНР последовательно придерживается весьма осторожного, поступательного подхода в осуществлении преобразований, то на тайваньском направлении Пекин старается полностью исключить шаги, могущие привести к внутренней политической или экономической нестабильности государственности на острове¹.

В данном контексте руководство КНР внимательно следит за всеми поправками, которые вносятся властями Тайваня в действующую на острове конституцию Китайской Республики 1947 г. Это критически важно для Пекина, исходя из двух основных причин: опасений в отношении чрезмерного компромисса правящей партии Гоминьдан с главной оппозиционной силой – Демократической прогрессивной партией (ДПП), а также реальной возможности утраты Гоминьданом на достаточно продолжительное время реального квалифицированного большинства в Национальном собрании Тайваня. Последнее особенно опасно для позитивного развития «переговоров через пролив», поскольку, контролируя парламент, Гоминьдан по сути дела является монополистом в определении экономических сфер для государства и бизнеса, претендующих на участие в инвестиционных и инновационных проектах на территории материкового Китая или другими словами в КНР. Имея под контролем нынешнее тайваньское правительство, Гоминьдан по закону получает от государства финансовые средства, которые в реальности расходует «на проведение научных изысканий» в сфере политики и обучения собственных кадров, занятых в инвестиционных проектах на материке². Главной же целью выше названных усилий несомненно является идея национального развития «Большого Китая», выразившаяся к 2008 г. в более чем 20 соглашениях между КПК и Гоминьданом по вопросам преобразования правовой системы будущего объединенного Китая.

Предполагается, что в рамках этих соглашений стороны продолжат поиск «великого компромисса», ориентированного на формирование общих властных структур «Большого Китая». Настойчиво развивая процесс постепенной китайской реинтеграции, руководство КНР в долгосрочном плане делает ставку на активное использование тайваньского фактора в своей региональной и даже глобальной инвестиционной стратегии. Обращает на себя внимание стремление китайской стороны в последнее время косвенно поддерживать усилия Гоминьдана по продвижению поправок в конституцию Тайваня. Оппозиционная ДПП всегда оказывала и оказывает жесткое противодействие гоминдановским инициативам, связанным с внесением конституционных поправок, усматривая в этом намерение завысить президентские полномочия, что неизбежно приведет к формированию на Тайване «суперпрезидентской государственной власти»³. Но самое главное, что усматривает оппозиция в планах Гоминьдана по поводу конституционных поправок, так это возможные попытки со стороны будущего «суперпрезидента» пойти на далеко идущий компромисс с КПК по поводу формирования концепции воссоединения в рамках «Большого Китая».

В Пекине считают, что действующая система власти на Тайване в целом отвечает интересам КНР и будущему воссоединению. Тайваньские президент и премьер принадлежат к одной партии (Гоминьдану) и первый традиционно является ее лидером, что позволяет ему через партийные структуры оказывать существенное влияние на законодательную ветвь власти. Кроме того, согласно тайваньской конституции, постоянно усиливаются кадровые полномочия президента Тайваня, важнейшим из которых является право назначать премьера Исполнительной палаты без утверждения кандидатуры последнего Законодательной палатой. Как считают международные эксперты, Национальное собрание Тайваня, в котором преобладают партийные интересы Гоминьдана, является серьезной гарантией для руководства КНР в том, что назначенцы гоминдановского президента на ключевые посты всегда будут принципиально ориентированы на реализацию в различных формах политики единения «Большого Китая». Суньятсэновская схема разделения «пяти властей», сохранение которой поддерживает Гоминьдан, представляется Пекину наиболее стабильной и отвечающей устоявшимся китайским традициям. Прозападная ДПП наоборот считает, что система власти независимого тайваньского государства должна быть максимально приближена к формуле разделения «трех

властей» и, более того, суверенному тайваньскому государству в перспективе вообще не потребуется исторически сложившееся провинпиальное леление⁴.

Конституционные «изыски» оппозиционной ДПП однозначно рассматриваются руководством Гоминьдана как стимулирование тенденций на провозглашение независимости Тайваня. Настойчивый курс на постепенную ликвидацию провинциального правительства расценивается влиятельными прозападными силами на острове и за его пределами в качестве серьезного шага в сторону упразднения статуса Тайваня как части традиционного Китая. В данной связи, привлекают внимание конституционные поправки по социально-экономическим вопросам, когда в обязанность государства вменяется оказание помощи и предоставление юридической защиты «средним и малым предприятиям, созданным народом». Характерно, что аналогичные по смыслу и сути законодательные акты были приняты и в КНР, что можно рассматривать как тенденция к еще большей унификации экономического законодательства⁵. В качестве примера можно привести законодательство «о безопасной окружающей среде», которое вообще разрабатывалось на основе тесных консультаций по линии двусторонних «переговоров через пролив».

Пристальное внимание в Пекине вызывают попытки отмены на Тайване существующего порядка формирования корпуса глав местных администраций. Сложившаяся система их выборов абсолютно не устраивает Гоминьдан, преследующий исключительно прагматические цели. Засоренность местной власти лицами, поддерживающими ДПП, вынуждает правящую партию отказаться от этого демократизирующего политическую систему Тайваня института выборов. Чтобы поставить заслон расширению влияния оппозиции на местах, правящая партия готова пойти на принятие закона о замене местных выборов централизованным назначением. Такой подход заметно напоминает жесткий контроль КПК за формированием местных администраций в материковом Китае, где он, этот подход, объясняется прежде всего общественным интересом к созданию эффективного заслона на пути всякого рода злоупотреблений, одинаково характерных для КНР и Тайваня⁶.

По оценке китайских специалистов, конституционные поправки всегда приводят к серьезным изменениям в законодательстве Тайваня, в том числе в тех его актах, которые регулируют инвестиционное вза-имодействие с КНР. Определенное количество названных изменений,

как правило, касается тайваньского участия в инвестиционных процессах на материке на уровне провинций и уездов, а также органов, относящихся по своей компетенции к самоуправлению в крупных городах. Серьезная дискуссия идет по поводу законодательства, предусматривающего статус тайваньских провинций. Большинство экспертов склоняется к тому, что в обозримой перспективе провинциальный уровень лишится своего самоуправляющегося статуса. Ревизия конституционных положений на Тайване все более склоняется в сторону отмены выборности провинциальных властей, которые, скорее всего, станут частью структур центральной исполнительной власти⁷. Таким образом, основной тренд выше названных преобразований приобретает откровенно прагматический характер и направлен на усиление эффективности управления перед лицом возможного будущего воссоединения с КНР.

Следует подчеркнуть, что, решая проблему воссоединения с Тайванем, Китай явно не намерен инкорпорироваться в так называемое сообщество взаимозависимых стран на предлагаемых Западом условиях. Эти условия предусматривают практически полную открытость внутреннего рынка и последовательное проведение системных реформ либерального толка. Попадание в зависимость от Запада не рассматривается в Пекине в качестве адекватной цены за полное единство Китая. Стратегия формирования разного рода «специальных инвестиционных зон призвана упорядочить текущее взаимодействие КНР с Тайванем, успокоить тайваньское общественное мнение и стимулировать таким образом остров к возвращению под обще китайскую юрисдикцию. Сохраняя политику поступательного формирования «Большого Китая», Пекин надеется приумножить «потенциал общего процветания и стабильности», закладывая таким образом прочный фундамент для последовательной интеграции Тайваня с материком⁸.

Следует подчеркнуть, что тайваньский фактор определяет сегодня линию поведения КНР, стимулирует переосмысление китайским руководством роли и места будущего «Большого Китая» в процессах мирового развития. Внешняя инвестиционная стратегия представляется Пекину как отправная точка формирования устойчивой китайской экспансии на международные рынки, когда растущая совокупная мощь объединенного китайского государства помогает повсеместно отстаивать национальные интересы в жестком соперничестве с ведущими постиндустриальными странами мира. По сути дела, это ни что иное,

как старт становления принципиально отличного этапа развития воссоединенного Китая, связанного с развитием новой юрисдикции китайского государства⁹. В случае успеха мирной интеграции Тайваня с материком, несомненно, на порядок возрастет статус «Большого Китая» в международном сообществе. Следует признать, что уже в настоящее время есть все признаки реальной экономической интеграции между КНР и Тайванем.

Тайваньский фактор в инвестиционной стратегии КНР определяется стремлением Пекина создать условия для массированной экспансии материкового капитала в лице крупнейших корпораций на финансовый рынок Тайваня. Необходимость такого шага сформулирована в нескольких аналитических докладах различных экспертных групп, близких к правительству КНР¹⁰. В качестве доводов, приводимых в пользу внедрения материкового капитала в тайваньскую фондовую биржу, можно обозначить следующие: Китай намерен в перспективе поставить под свой эффективный контроль листинговые операции по компаниям, представляющим местный производственный сектор; использовать тайваньскую фондовую биржу для наращивания финансового и технологического потенциала китайских корпораций, участвующих в инвестиционных проектах за рубежом; сделать Тайвань своеобразным «полигоном» для китайского бизнеса в плане приобретения навыков современного менеджмента, совершенствования структуры общего корпоративного управления применительно к требованиям мирового рынка. Правительство КНР рассчитывает через внедрение на тайваньскую фондовую биржу подконтрольных ему корпораций поставить под свой контроль акции тех предприятий «китайского мира», которые заняты в наиболее наукоемких секторах производства.

КНР и Тайваню при воссоединении предстоит решать серьезную юридическую проблему, а именно: государство никогда не получает свою власть ни от какого другого авторитета или союза¹¹. Напротив, оно всегда создает инициативно те правовые нормы, на основании которых оно властвует и управляется. Этим государство отличается от территориальных административных образований, которые иногда являются подобными государству, то есть, имея реальный конституционный характер: власть, население и территорию, но не имеют однако суверенной власти, или иными словами, не могут перестраиваться сами, а приобретают свои государственные полномочия на власть и свое внутреннее устройство от того государства, частью

которого они являются. Именно в данной связи, такие государства часто не признаются в качестве суверенных государств международным сообществом. Перед формирующимся государственным образованием «Большой Китай» постепенно вырастает сложная международноправовая задача, смысл которой сводится к двум взаимосвязанным факторам: Тайвань должен осознанно стать интегрированной частью «Большого Китая» и только через участие в данном интеграционном проекте Тайвань способен получить свою международную легитимную государственность 12.

Стратегия правительства КНР в отношении воссоединения с Тайванем постоянно обновляется. Экономическая часть данной стратегии является апофеозом институционального подхода, призванного снять обеспокоенности тайваньских правящих кругов. Привлекает внимание то, что в данной стратегии отсутствует сам объект управления. Ни в одном документе китайского правительства не говорится об инвестиционном взаимодействии в таких деликатных для сторон сферах как промышленность, сельское хозяйство, транспорт, финансы и т.п. Есть только отдельные косвенные высказывания руководителей КНР, из которых можно сделать вывод, что китайско-тайваньское экономическое сотрудничество должно в полной мере учитывать международные инфляционные ожидания¹³. В стратегии отсутствует и субъект управления, поскольку не понятно, кто будет осуществлять преобразования, которые должны привести к мирному воссоединению Китая.

Последнее явно не учитывает проблему будущей связности страны и развития ее в формате «Большого Китая». На Тайване постепенно приходят к выводу относительно необходимости обсуждения с руководством КНР не только вопросов исключительно экономического характера, но и модернизации с обеих сторон политических институтов, которые в любом государстве гарантируют единство территории и управления ею¹⁴. Вряд ли уровень процентных ставок на финансовых рынках сможет укрепить общую государственность, тем не менее, тайваньские политические силы предпочитают больше говорить о биржевых индексах, чем об идее «Большого Китая», а названный термин фактически вообще запрещен к употреблению вслух. При этом весь пафос «переговоров через пролив» состоит именно из попыток воссоздания общих правовых институтов, хотя смысл ведущихся дискуссий сводится к следующему: главное, согласовать принципы общей государственности, а объединить Китай когда-нибудь сможет кто-то другой.

Названный подход в первую очередь с тайваньской стороны вряд ли будет способствовать реализации проекта «Большой Китай».

Тем не менее, по обе стороны Тайваньского пролива численно растет прослойка людей, которая объективно заинтересована в ускорении процесса объединения Китая. Это так называемый креативный класс, реальный носитель национального инновационного мышления и присущего большинству китайцев духа деятельного предпринимательства и созидания. Период между двумя финансовыми кризисами (1998-2008 гг.) показал, что созидатели с тайваньской стороны совсем не боятся сложностей материкового Китая и не считают для себя жизнь и работу в КНР какими-то невыносимыми. Во многом это произошло потому, что власти КНР изначально осознали необходимость создавать для тайваньских инвесторов специально комфортную среду, включая построение локальных сообществ, приспособленных под их нужды. В условиях постоянно растущей совокупной мощи китайского государства на материке, у китайского государственного образования на Тайване остается все меньше шансов сохранить реальный суверенитет¹⁵.

Тайваньские инвесторы меж кризисного периода обнаружили в своем окружении на материке последовательный рост так называемого среднего класса. В КНР сегодня определяют средний класс по трем основным параметрам: встроенность в государственные финансовые потоки, уровень постоянных доходов и образ жизни. Названные критерии оказались тесно взаимосвязанными с приоритетами, которые выстраивают приезжающие на материк тайваньские инвесторы. Более того, эти критерии побуждают предпринимателей в КНР стремиться к активной жизни и, как правило, добиваться более высоких доходов. По разным международным оценкам, перед началом экономического кризиса 2008 г. доля среднего класса в Китае достигла примерно 20%, что несомненно несет в себе дополнительный потенциал с точки зрения возможного воссоединения страны в формате «Большого Китая»¹⁶.

На Тайване опасались, что в период кризиса инвестиционный климат в КНР резко ухудшится. Однако, этого не произошло во многом благодаря выверенным действиям китайского правительства, направленным на поддержание в широких слоях населения стремление к современному образу жизни, понимая при этом, что если люди его почувствуют, избавиться от него будет весьма трудно. На Тайване ситуация оказалась заметно хуже, поскольку средний класс перестал расти еще до наступления кризиса 2008 г. Тайваньское правительство

оказалось способным обеспечить докризисный уровень жизни примерно тем же 20% своих сограждан. Остальным желающим государство так и не смогло в реальности предоставить достаточное количество современных высокооплачиваемых рабочих мест, хорошего образования и привычной среды обитания.

В сложившихся условиях правительству Гоминьдана не оставалось ничего иного как делать ставку на креативные слои населения, стремящиеся решать свои насущные проблемы посредством переноса инвестиционной деятельности на материк. Постепенно гоминдановская политика чрезмерно осторожного отношения к экономическому взаимодействию с КНР достаточно уверенно сменилась на целенаправленные усилия по развитию современных производительных сил практически на всей территории материкового Китая. Сегодня можно констатировать, что стратегия руководства КНР по «втягиванию» крупного тайваньского бизнеса в модернизационные процессы китайской национальной экономики уже состоялась. Отдельные международные эксперты даже стали прогнозировать вероятность утверждения устойчивой тенденции к более масштабному укоренению и обустройству тайваньских предпринимателей в КНР¹⁷. В реальности можно уже говорить о серьезных признаках того, что процесс всекитайской экономической интеграции в ближайшие годы наберет подобающую силу.

В ряде японских аналитических изданий по проблемам Китая отмечается стремление Пекина как можно скорее завершить первый этап экспертной работы по экономическому втягиванию Тайваня в проект «Большой Китай» 18. В ближайшем будущем на повестку дня выйдет вопрос международной легитимизации достигнутых результатов и двустороннего согласования юридических параметров всекитайского объединения, ориентировочно предсказываемого на 2020 г. Первая попытка разработать некий вариант «маршрутной карты» становления единого китайского государства был разработан и утвержден специальными представителями КПК и Гоминьдана накануне кризиса 2008 г. Документ получился достаточно оптимистичным и требовал существенной переработки с учетом прошлого конституционного законодательства действовавшего как в КНР, так и на Тайване. Обе стороны понимали, что требуется новое видение путей развития единого китайского государства на обозримую перспективу, но самое главное, разработка новых подходов к решению проблемы международного признания «Большого Китая» 19.

Специальные представители КПК и Гоминьдана не ограничились при разработке ключевых направлений становления будущего воссоединенного государства такими сферами как: макроэкономика, инновации, система образования и внешняя политика. Была предпринята попытка с позиций здравого смысла сделать всеобъемлющий анализ общей стратегии сближения по пути к воссоединению. В итоге появились отдельные наброски этой стратегии, имеющие определенные элементы здравого смысла, попытки углубленных и даже адекватных оценок, но когда дело дошло до конкретных шагов с обеих сторон, и КНР и Тайвань остались по сути дела в русле традиционных предубеждений, обвиняя друг друга в неискренности и откровенном нежелании учитывать интересы противоположной стороны. По мнению некоторых экспертов, в нынешнем китайско-тайваньском диалоге политические амбиции постепенно уходят на второй план, тогда как сухие параметры реальной экономической интеграции заявляют о себе во весь голос. В данной связи многие обращают внимание на поразительную схожесть позиций КНР и Тайваня относительно не успешности проводившейся в меж кризисный период (1998-2008 гг.) денежной политики 20 .

По всей видимости, китайское правительство не решается на более радикальный вариант инвестиционного сотрудничества с Тайбэем именно из-за завышенных инфляционных ожиданий. И в КНР и на Тайване, как ни странно, независимо друг от друга были поставлены две основные задачи: сгладить валютный курс и сократить инфляцию. Ни одна из названных задач должным образом ни там ни там не была выполнена. Как считают эксперты, эти задачи вообще не могут быть решены одновременно. В результате КНР бросила все силы на борьбу с инфляцией, а Тайвань начал осторожно сглаживать валютный курс.

И в Китае и на Тайване прекрасно осознают, что так называемые импортные деньги, как правило, лучше, но не всегда. Капиталовложения из-за рубежа доступнее, если ниже внутренние процентные ставки. В случае КНР, преимущественно привлекаются прямые инвестиции и в основном в реальное производство. Тайвань пока принципиально отличается от материкового Китая, по сути дела игнорируя объективно созревшую необходимость надлежащих институциональных изменений, призванных помочь прямым инвестициям из КНР. Даже Гоминьдан, выступающий в принципе за воссоединение Китая, поддерживает в своих программных документах сохранение на неопределенный

период целого набора заградительных барьеров на пути прямых инвестиций из КНР, абсолютно не задаваясь вопросом о том, почему всегда следует заботиться о любых капиталовложениях из США, Японии и Евросоюза и почему надо пренебрегать объективной реальностью большей выгоды отечественных прямых инвестиций из Китая, могущих составить после снятия всех не таможенных ограничений около четырех пятых общего объема привлекаемых средств²¹.

Один из давних исследователей проблемы тайваньской государственности Масару Иватэ обратил внимание на присущее большинству тайваньских политиков пренебрежение объективно существующей реальностью²². В частности, он указал на непонимание и недооценку формирующейся в КНР стратегии глобального использования конструктивной мощи национального китайского бизнеса. Отгораживаясь от него, не осознавая его далеко идущие цели, тайваньские элиты совершают серьезную геополитическую ошибку, стремясь построить экономическое процветание на острове за счет преимущественно западных капиталовложений и компетенций. На Тайване такой подход в реальности означает пренебрежение национальным китайским капиталом и бездумное стимулирование не имеющей перспективы политики изоляции. Только совсем недавно в гоминдановском руководстве под воздействием реалий последнего финансового кризиса стали раздаваться трезвые голоса в поддержку прихода на Тайвань национального, особенно высокотехнологичного китайского капитала, независимо от государства его происхождения²³.

Руководство КПК постоянно пытается убедить своих партнеров не совершать идеологическую ошибку, пытаясь построить свое экономическое процветание, опираясь преимущественно на иностранный капитал и иностранные компетенции. В Пекине вместе с тем оговариваются, что это отнюдь не означает некого пренебрежения иностранным капиталом и иностранными компетенциями или тем более долгосрочный выбор в пользу политики изоляции. Чем больше капитала будет приходить в «Большой Китай», тем лучше, однако задавать тон экономическому развитию должны все же китайские инвесторы, представляя все зарубежные общины «хуацяо»²⁴. Акцент необходимо сделать на развитие общенациональной промышленности, причем для этого должен быть разработан обще китайский документ, раскрывающий цели и задачи промышленной политики, ее инновационные и инвестиционные приоритеты. В Пекине полагают, что промышленность

«Большого Китая» не разовьется сама собой и здесь вряд ли можно обойтись улучшением делового климата, повышением инвестиционной привлекательности воссоединенной страны, развитием в «Большом Китае» даже самой либеральной конкурентной среды, ибо есть прямая связь между уровнем промышленного развития государства и его правовой системой, обеспечивающей уверенное самочувствие граждан данного государства, доверяющих наступательной стратегии своего правительства и активно влияющих на неё.

В меж кризисный период 1998-2008 гг. Пекин пришел к выводу, что решение тайваньской проблемы должно строиться, прежде всего, исходя из экономических факторов. КНР последовательно движется в своем развитии к фазе постиндустриального государства, когда двигателями хозяйственного роста становятся информационные технологии, биотехнологии и услуги с высокой добавленной стоимостью. Но в отличие от Тайваня, который уже находится в постиндустриальной стадии экономического развития, материковый Китай вынужден отдавать приоритет традиционному промышленному производству, поскольку именно здесь формируется столь необходимый сегодня для КПК устойчивый средний класс²⁵. В китайском руководстве всерьез опасаются, что из-за неравномерного территориального развития нынешней производственной сферы в стране начнет стремительно усугубляться расслоение в обществе на бедных и богатых, неизбежно приводящее к росту социальной напряженности. Тайваньский опыт, кстати, показал, что промышленность представляет собой реальную основу жизнеспособности демократических начал даже в рамках классического авторитарного государства, поскольку новая постиндустриальная экономика отнюдь не всегда означает деиндустриализацию, а, наоборот, стимулирует инвестиционные потоки в сферу услуг, а значит способствует заметному увеличению числа новых высокотехнологичных рабочих мест.

Заметное влияние на китайско-тайваньское взаимодействие оказывает внешнеполитический курс США на данном направлении. У американской позиции в тайваньском вопросе присутствует ярко выраженный геополитический оттенок, который можно представить как стремление максимально эффективно разыгрывать «тайваньскую карту» в отношениях с КНР²⁶. Вряд ли тайваньская проблема является для Вашингтона такой уж однозначной, скорее всего в ней имеются и внешняя сторона и задний план. Этому не в малой степени способствует хорошо продуманная тактика госдепартамента США, поддерживающего

неофициальные межгосударственные связи с Тайванем, используя каналы правящего Гоминьдана и оппозиционной ДПП. Интерес представляет позиция Пекина по данному вопросу, поскольку в отношениях с Вашингтоном руководство КНР тоже максимально задействует тайваньский фактор, особенно, что касается инвестиционной сферы.

Руководство КНР делает серьезную ставку на инвестиционное взаимодействие с Тайванем, особенно в рамках инновационного развития. США видят для себя в этом реальную угрозу собственной безопасности, поскольку китайская экспортная экспансия на внутренний американский рынок неуклонно растет, а главное, становится все более высокотехнологичной и целенаправленной по ключевым производственным отраслям²⁷. Тесное взаимодействие с тайваньской экономикой позволяет Пекину ставить сегодня перед собой задачу монополизировать общее китайское присутствие на американском рынке. По оценке международных экспертов, тайваньский фактор в современной инвестиционной стратегии КНР непосредственно «заточен» прежде всего под крупные национальные инновационные программы, строго ориентированные исключительно на высокотехнологичный экспорт в США. Растущая финансовая мощь Китая делает крупный американский бизнес фактическим заложником китайских экономических программ, связанных с модернизацией национального производства, причем не только в Китайской Народной Республике, но и собственно на территории Соединенных Штатов Америки.

Тайваньский фактор в инвестиционной стратегии КНР в целом представляет собой безальтернативную опору на правящую в настоящее время на острове партию Гоминьдан. В основе естественного альянса между Китаем и Тайванем лежит приоритет возрождения великого единого китайского государства. Реальной движущей силой подобного государства может быть активное китайско-тайваньское экономическое сотрудничество, построенное на понятных обеим сторонам доверительных принципах. В то же время, оппозиция в лице ДПП видит в расширении экономического сотрудничества с КНР лишь угрозу для тайваньского государства окончательно раствориться в китайских модернизационных программах, напрямую противостоящих либеральным установкам Запада. ДПП в случае возвращения к власти надеется резко понизить интенсивность тайваньско-китайских экономических связей и перевести их в стагнирующий формат, согласованный с США, Японией и Евросоюзом²⁸.

Примером успешности защиты КНР своего тайваньского проекта в отношениях с США служит состоявшаяся 11 сентября 2011 г. американо-тайваньская ежегодная конференция в штате Виржиния по проблемам оборонной промышленности. Госдепартамент впервые пошел навстречу требованиям КНР и впервые за 10 лет не прислал на данное мероприятие ни одного представителя американской администрации. Со стороны тайваньцев в данной связи было выражено явное недовольство с констатацией реального факта переноса Соединенными Штатами Америка внимания на уровне государства с локальной тайваньской проблемы на глобальную общекитайскую. Растущее пренебрежение по отношению к Тайваню со стороны американских государственных органов, по оценке экспертов, является отражением другой тенденции, а именно, осознания Вашингтоном неизбежности усиливающейся зависимости от глобального взаимодействия с КНР. Проявлением названной тенденции стало практически вышедшее из под контроля президента Б. Обамы противостояние в его администрации между государственным департаментом и аппаратом советника по вопросам национальной безопасности, суть которого сводится к вопросу о различиях во мнениях по поводу сроков окончательного воссоелинения КНР и Тайваня²⁹.

В Пекине внимательно следят за тем, чтобы тайваньский фактор в полной мере содействовал инвестиционной привлекательности уверенно формирующегося рынка пока еще надгосударственного образования «Большой Китай». Нынешняя интеграционная парадигма развития экономики Тайваня в значительной степени стимулирует выше названную привлекательность. Постепенно на второй план уходят опасения Запада в отношении возможного силового решения Китаем тайваньской проблемы, поскольку там видят устойчивую тягу к воссоединению с материком и со стороны гоминдановского руководства Тайваня³⁰. В тех же Соединенных Штатах Америки констатируют постепенное снижение накопившейся напряженности в китайско-тайваньских отношениях, что рассматривается как серьезный симптом ухода в прошлое жесткого противостояния между двумя сторонами пролива. С учетом названных факторов Вашингтон скорее всего в обозримой перспективе будет руководствоваться не столько эмоциями по поводу страхов рефлексирующей тайваньской оппозиции, сколько прагматическим расчетом экономических выгод от расширения инвестиционного взаимодействия с КНР, а значит, своими долгосрочными национальными интересами.

International Legal Aspects of Taiwan's Participation in East Asian Integration under the National Law of Taiwan (Summary)

Vyacheslav I. Balakin*

The problem of Taiwanese statehood has acquired in the relation between Beijing and Taipei not only theoretical but practical character. In significant degree it depends on success or not success of promoting in East Asia regional integration model, which had offered by PRC. East Asian integration process is developed today in the direction of creating by region's states some real conditions for permanent growth that afford in not so far perspective to form real China-centripetal "power vector". Technological and financial potentiality of Taiwan is rendered very needed one from the Chinese side as itself but not only growing from the desire to be incorporated toward global system of high tech production on the West proposed terms meaning big overseas investments and wonderful tempo of economic growth but simultaneously securing the full openness of Chinese inner market for realization of liberal social reforms. Whether in the relations with the West. Chinese government stick successively to very careful since progressive approach during realization of reforms but on the Taiwanese direction Beijing does its best to exclude in full any steps which could lead inner political or economic instability in the country up.

Keywords: China; Taiwan; East Asia; integration; Chinese statehood.

¹ Ямадзаки, Ё. (2010) «Хитоцу но Тюгоку»: гэнсоку то кокусайхо (Один Китай: принцип и международное право). Мэйдзи дайгаку но кокусайхо сэнта. Токё. С.14 (141 с.) ² Chen, Ch. (2004) The Chinese Nationalist Regime's political control system. North America Taiwanese Professors' Association (NATPA). New York. P.181 (P.121-208)

³ Huang, W.F. (2006) Did "Peace Referendum" Contribute to the Consolidation of Taiwan's Democracy ? Taiwan Journal of Democracy, Volume 2. December. P.152 (P.143-176)

⁴ Мацумото, Т. (2013) Тайван кайкё-о мэгуру доко (Тенденции в развитии ситуации в зоне Тайваньского пролива). Корю, №865. Тэнри дайгаку сюппан. С.45 (С.37-46)

^{*} Vyacheslav I. Balakin – Ph.D. in Law, leading researcher of the Centre of Strategic Problems of the North East Asia and the Shanghai Cooperation Organization, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, viacheslavbalakin@rambler.ru.

- ⁵ Мураками, К. (2007) Тайван ни окэру сэйдзи тайсэй но ико (Перемены в политической системе на Тайване). Хокудай хогаку кэнкюсё но дзянару, №4. Саппоро. С.320 (С.303-332)
- ⁶ Ohashi, H. (2010) The Rise of China: Challenges and Opportunities. London: Routledge. P.105 (108 p.)
- ⁷ Кисимото, Т. (2011) ТюТай рэнкэй кёка (Усиление китайско-тайваньских связей). Хигаси адзиа кэнкю сэнта. Кита кюсю дайгаку. Нихон. С.12 (41 с.)
- ⁸ Ji Yiru. (2010) Zhongguo de dui Taiwan jingji yingxiang (Влияние Китая на тайваньскую экономику) Taibei daxue chubanshe. P.22 (139 p.)
- ⁹ Chen Tianzhi. (2008) Taiwan de dui dalu touzi celiue (Направления тайваньских инвестиций на материке). INN Publishing. Taibei. P.18 (39 р.)
- ¹⁰ Van der Putten, F. (2015) Cross-Strait Relations and Diplomacy in East Asia. Institute of International Relations. Hague. Netherlands. P.26 (68 p.)
- ¹¹ Cole, M. (2014) Is Xi Losing Control of China's "Peripheries"? The Diplomat. Brussels. P.13 (P.10-18)
- ¹² Lee, R. (2014) The Tiger that Dances with the Dragon. Journal of Chinese Political Science, Vol. 10, No. 2. P.84 (P.77-102)
- ¹³ Winkler, S. (2013) Mainland China and Taiwan Face to Face in the WTO. Asian Journal of Social Science, Vol.41. P.290 (P.287-311)
- ¹⁴ Zhao, Q. (2010) Beijing's Shifting Positions in the New Era of Cross-Taiwan's Politics in the 21st Century. Singapore. P.199 (P.185-226)
- ¹⁵ Thornton, S. (2015) Taiwan: A Vital Partner in East Asia. Bureau of East Asia and Pacific Affairs. Brookings Institution. Washington DC. P.9 (21 p.)
- ¹⁶ Zi, Y. (2011) Taiwan to Tyugoku no kankei (Отношения Тайваня и Китая). Waseda daigaku syuppan. Tokyo. P.56 (68 p.)
- ¹⁷ Przeworski, A. (2010) Democracy and the Market. Cambridge University Press. UK. P.82 (180 p.)
- ¹⁸ Окуда, К. (2010) Тайван ва Тюгоку дэ ва най (Тайвань не Китай). Асахи симбунся. Токио. С.9.
- ¹⁹ Pasquino G. (2007) New Approchies to the Unification of China. Johns Hopkins University Press. Baltimore. P.16 (124 p.)
- ²⁰ Pye, L. (2008) Asian Power and Politics. Taiwan University Economic Review, No.2. Taipei. P.141 (P.135-178)
- ²¹ Minn,S. (2006) National Treasures. SINORAMA Magazine. Taipei. P.45 (167 p.)
- ²² Iwate, M. (2009) Polyarchy: Participation and Opposition. Yale University Press. New Haven. P.57 (140 p.)
- ²³ Dong, H. (2004) The Referendum Law is Unconstitutional. United Daily, Taipei. March 4. P.15
- ²⁴ Lee, J. (2013) Chinese Investment to Taiwan. Bank of China Ltd Press. P.31 (87 p.)
- ²⁵ Cui, A. (2009) Understanding China's Middle Class. China Business Review. P.7 (25 p.)
- ²⁶ Yin, X. (2005) Is U.S. Playing the Taiwan Card ? East Asian Research Center. Harward Press. P.14 (38 p.)
- ²⁷ Brown, K. (2010) Investment Across the Taiwan Strait. The Royal Institute of International Affais. Chatham House. P.8 (46 p.)
- 28 Муракава, С. (2011) Тайван но кэйдзай хаттэн (Экономическое развитие Тайваня). Хамано сюппан. Токё. Р.33 (230 р.)

²⁹ Laski, H. (2010) A New Way of Identifying National Identity. Allen & Unim. London. P.120 (321 p.)

³⁰ Morris, A. (2012) Taiwan: Colonialism and Nationalism. New York: Holt & Rinehart. P.44 (88 p.)